

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

полемические заметки

ВЕЧНО ЖИВАЯ КЛАССИКА

Недавно почти одновременно появились в печати высказывания двух ведущих деятелей советского искусства. Одни из них сообщили о том, что в предстоящем сезоне намерены принять участие в постановке на сцене Большого театра оперы Прокофьева «Обручение в монастыре». Другой выразил искреннее сожаление по поводу того, что в репертуаре того же театра все меньше и меньше появляется русской оперная классика. Казалось бы, между этими высказываниями нет прямой связи. Но тем не менее она есть, во всяком случае для меня она несомненна.

Прежде чем перейти к существу разговора, я считаю необходимым сделать небольшое разъяснение. Дело в том, что мне могут задать вопрос: почему я вторгаюсь в область, в которой не имею прямого отношения. Дескать, занимаешься симфонической деятельностью, совмещаешь музыку, играешь на рояле, ну и продолжай в здравии в том же духе. А мы уж как-нибудь без тебя разберемся в том, что нам надо делать. В общем-то справедливо, да не совсем. Многие и лучшие годы моей жизни, отданные Большому театру, с которого фактически начался мой созидательная деятельность, постоянная причастность к тому, что делается в театре, чем живет театр, — все это дает мне право так же, как и любому советскому художнику, для которого не может быть безразлична судьба фламана нашего искусства, на то или иное отношение к тому, что происходит из его сцены, в его стенах.

То, о чем пойдет речь сегодня, было или иной степени высказано мною ранее, в частности на двух предыдущих съездах советских композиторов (1974, 1979 годы).

Казалось бы, в репертуаре театра сохраняются обе оперы Глинка, «Руслан» и «Камennyй гость» Даргомыжского, «Вояки» и «Хованщина» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородин. Но так называемая классика театра спектаклей, принимающая руководство театра несколько лет назад, фактически не дает возможности постоянно показывать на сцене эти шедевры. Создается впечатление, что они систематически выключаются из репертуара. Даже и при условии отсутствия в афише Большого театра такие любимые оперы, как «Демон» А. Рубинштейна, «Вражья сила» Серова, «Сорочинская ярмарка» Мусоргского, «Алеко» Рахманинова. Но самым жестоким образом пострадали в театре Чайковский и Римский-Корсаков. Из девяти опер Чайковского в репертуаре ГАБТа значатся три. Это «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта». А где же такие замечательные произведения, как «Опричник», «Черепашка», «Мазепа», «Орлеанская дева»? С огромным успехом шла «Чародейка», но на неизвестных причинах она также вышла из репертуара... Из пятнадцати опер Римского-Корсакова числятся и впереди идут на сцене

не только четыре. Это «Снегурочка», «Садко», «Мопарт и Сальери», «Царская невеста». А где же «Исконная», «Майская ночь», «Ночь перед рождеством», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о граде Китеже», «Кашей Бессмертной», «Золотой петушок» (не педший в Большом сымме полувена)?

Давно идут разговоры о постановке уникального произведения — оперы балета «Млада». Но дело ограничивается пока только блатными намерениями... Как видно из перечисления, дело с русской классикой обстоит весь-

сене Большого театра (равно как и на сцене КДС) должны идти спектакли, проверенные временем, отобранные самой художественной действительностью, получившие признание зрителя и слушателя. Причем эксперименты и разного рода творческие поиски могут быть связаны с воплощением не только современных произведений, но и произведений классики. Мне думается, настал момент подумать о том, чтобы «Борис Годунов» и «Хованщина» шли в музыкальной редакции П. Лама и оркестрове Д. Шостаковича, которые значительно ближе к авторскому замыслу.

Е. СВЕТЛАНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

ма печально. И это на сцене первого музыкального театра страны, призванного быть хранилищем «печати» золотого фонда национального оперного искусства. Когда приезжаешь в Прагу, то непременно тебе покажут почти все лучшие оперы Сметаны, Дворжака, Яначека, в Вене — Мопарта, Бетховена, Р. Штрауса; в Милане — Беллини, Донизетти, Россини, Верди, Пуччини. И так далее. Почему же в Москве невозможно познакомиться с подавляющим большинством произведений русской оперной классики? Это все равно, что из Третьяковской галереи или Русского музея убирать подавляющее большинство картин. Ничто этого не поймет, оправдать это невозможно.

Здесь мы подошли к наиболее «щекотливому» моменту. Дело в том, что по поводу Большого театра существуют разные взгляды, разные точки зрения на его роль. Одни придерживаются мнения, что эта сцена должна быть в первую очередь предоставлена для показа произведений золотого фонда национального театрально-музыкального искусства, как оперного, так и балетного, включая, естественно, лучшие творения советских композиторов. Другие считают, что это все не обязательно и даже в театральном роде вредит театру, который, как они полагают, не должен «превращаться в музей». Мало того, они считают, что на сцене Большого театра могут и должны иметь место эксперименты и разного рода творческие поиски как в репертуарном направлении, так и в средствах сценического воплощения. Пока существуют эти разные точки зрения, трудно до чего-либо определенного договориться.

Конечно, каждый театр имеет право на эксперимент и творческие поиски. Скажем больше: без этого театр просто не может развиваться вообще. И у Большого театра должна быть возможность искать и экспериментировать. Для этой цели у него должен быть филиал, который не когда существовал. Сама жизнь подсказывает необходимость такой сцены. Но ее сегодня нет... На основной

Сцене, «Пиковая дама» должна быть поставлена заново, ибо нынешний спектакль страдает экзотизмом и не отвечает тому высокому уровню, на котором должна идти генеральная опера. Причем ссылки на то, что когда-то занял сильный состав исполнителей, что якобы «изнажило» все остальное, сегодня не могут приниматься всерьез.

Несколько слов о цикличности показа спектаклей на сцене ГАБТа. Идея эта родилась из стремления облегчить творческую жизнь коллектива театра, из за определенную «удобства» и желания достичь целесообразности в показе спектаклей. Блестящая механическая «заправка» из арсенала некоторых зарубежных театральных спен, идея эта абсолютно, с моей точки зрения, неприемлема для нашей художественной практики. Там она продиктована совершенно иными обстоятельствами и в первую очередь периодическим собранием «звезд» на той или иной сцене. Эта чухлая по всем параметрам нашей действительности идея явилась причиной, по которой и без того немногие названия русской оперной классики перестали показываться на сцене ГАБТа. А которые и вовсе ушли из репертуара. Это понятно. Ведь после долгого перерыва не обходимы возобновительские репетиции, а времени для них нет, ибо надо ставить новые спектакли. Вот и исчезают один за другим шедевры из репертуара Большого театра.

Еще одно обстоятельство, которое нельзя обойти молчанием. Это совпадение репертуарных названий двух музыкальных театров столицы. Создается впечатление, что в последние время Большого театра и Музыкальный театр имени Н. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко словно задались целью «перехватывать» друг у друга оперные названия вместо того, чтобы разумно дополнять друг друга. Вот и получается, что почти на одной улице публике предлагают посетить такие спектакли двух театров, как «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Чайковский», «Тоска», «Нармен». Недавно к нам

присоединилась «Катерина Измайлова» и идет приобщения «Обручение в монастыре». А ведь как раз наоборот: должны были бы действовать эти театры. Вот где возможность поделить репертуарные брешки, и особенно по части русской классики. Сколько прекрасных русских опер, не требующих большого, громкого состава исполнителей, могли бы идти на сцене второго музыкального театра Москвы! И зачем Большому театру непременно дублировать названия, идущие на Пушкинской улице? Очень хорошо, что в последние годы Большого театр поставил многие произведения на музыку Прокофьева (и оперные, и балетные). Но мне думается, что именно Большого театр не должен становиться театром одного автора, даже самого гениального, так же, как он не может быть театром одного режиссера, даже самого талантливого. Такова специфика этого театра, таковы его традиции. Может быть, это утверждение и спорно. Но я готов и спор, если таковой состоится.

Говоря о репертуарных потерях ГАБТа, нельзя не вспомнить такой уникальный спектакль, как оперу Ю. Шапорина «Декабристы». Когда-то автор мечтал о том, чтобы детище всей его жизни увидело свет rampy за рубежом именно в исполнении труппы Большого театра. Но эти мечты сбылись не удалось. Мало того, спектакль вообще по неизвестным причинам уже давно исчез с афиш театра. Как же можно так разбрасываться ценностями! Дело чести коллектива первого театра страны восстановить «Декабристов» как можно скорее. Я абсолютно убежден в том, что восторгом советской публики присоединились бы свои восторги и зарубежные любители оперного искусства, познакомившись с оперой Шапорина в постановке Большого театра. С неменьшим успехом могло бы идти и такое монументальное оперное полотно, как «Орестес» С. Танева.

Перед коллективом Большого театра стоит первоочередная задача — в ближайшие годы пополнить свой репертуар бессмертными произведениями отечественной классики, критически переосмотреть то, что идет на его сцене сейчас. Понятно, что для этого понадобятся немалые творческие силы, таланты, подлинного энтузиазма, а главное — единомыслия.

Я глубоко уверен в том, что любые творческие задачи по плечу славному оперному коллективу Большого театра, создавшему эталоны музыкально-сценического искусства, по которым сверяют свои работы многие театры нашего времени.

■ Недавно по этому поводу Министерство культуры СССР приняло следующее решение: «В целях сохранения и развития классического репертуара на сценических театрах, а также создания и совершенствования документальной, учебно-методической и выставочной деятельности, посвященной искусству, должны быть созданы в жизни и установленном фронте».